

Хади БАК, Виктор ШАПОВАЛ

РУССКО-ТУРЕЦКИЙ РАЗГОВОРНИК О. И. СЕНКОВСКОГО 1828 И 1854 ГГ. КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

DOI: doi.org/10.5281/zenodo.3956744

Rezumat

Ghidul de conversație ruso-turc de O. I. Senkovsky 1828 și 1854 ca sursă etnografică și culturologică

Ghidul de conversație unicat ruso-turc „Cartea de buzunar” de O. Senkovsky, editat în 1828 (și 1854) pentru cititorul rus contemporan a îndeplinit în primul rând rolul manualului de limbă, care a asigurat alegerea unui număr de subiecte și a frazelor necesare pentru conversație, permițând obținerea celor mai generale informații despre teren, căile de comunicații și trupele inamice. În același timp, manualul oferea informații suplimentare despre o țară străină, fără să se limiteze doar la detalierea lumii lucrurilor, oferind în același timp adesea o tonalitate emoțională pașnică a comunicării. Astfel, ghidul de conversație stabilea, limita și ghida alegerea comportamentală a utilizatorului spre o comunicare și cooperare constructivă. Cu toate spezele inevitabile ale realizării acestui proiect de pionierat, rolul său pozitiv în optimizarea dialogului intercultural între reprezentanții părților aflate în conflict și cu localnicii într-o serie de situații tipice este greu de a supraestima. Deși, ghidul uneori este tendențios când contrapune idealul unui combatant rus imaginii mai realiste a inamicului, în aspectul istoric poate fi valorificat ca o sursă de informații despre țară și populație, cultura și viața cotidiană a Imperiului Otoman în prima treime a sec. al XIX-lea.

Cuvinte-cheie: ghid de conversație, dialog intercultural, eficiență în comunicare, idealul combatantului, informații geografice, informații sociale, viață cotidiană, Imperiul Otoman.

Резюме

Русско-турецкий разговорник О. И. Сенковского 1828 и 1854 гг. как этнографический и культурологический источник

Уникальный русско-турецкий разговорник «Карманная книга» О. Сенковского 1828 (и 1854) г. для русского читателя-современника выступал в первую очередь в качестве языкового руководства, которое обеспечивало выбор ряда тем и необходимых фраз для беседы, позволяло получить самые общие сведения о местности, путях сообщения и войске противника. В то же время пособие предоставляло дополнительные сведения о чужой стране, не ограничиваясь детализацией мира вещей, но часто задавая мирную эмоциональную тональность коммуникации. Таким образом, разговорник наставлял, ограничивал и направлял поведенческий выбор пользователя в сторону конструктивной коммуникации и сотрудничества. При всех неизбежных издержках воплощения этого пионерского замысла его положительную роль

в оптимизации межкультурного диалога как между представителями конфликтующих сторон, так и с местными жителями в ряде типовых ситуаций трудно переоценить. Хотя разговорник порой отличается тенденциозностью при противопоставлении идеала русского воина более реальному образу противника, в историческом аспекте он ценен как источник сведений о стране и населении, повседневной культуре и быте Османской империи первой трети XIX в.

Ключевые слова: разговорник, межкультурный диалог, эффективность коммуникации, идеал воина, географическая информация, социальная информация, повседневность, Османская империя.

Summary

Russian-Turkish phrasebook by O.I. Senkovsky of 1828 and 1854 as an ethnographic and cultural source

The first Russian-Turkish phrasebook by O. Senkovsky of 1828 (and 1854) was primarily important for the Russian reader of his time as a language guide, which provided a number of topics and necessary phrases for simple conversation, in order to get information about the terrain, communication routes and enemy troops. At the same time, the phrase book provided additional information about the foreign country, not limited to detailing the world of things, but often setting a peaceful emotional tonality of communication. Thus, the phrasebook guided, limited and directed the user's behavioral choice towards constructive communication and cooperation. Despite some unavoidable gaps of implementing this pioneering idea, its positive role in optimizing the intercultural dialogue between representatives of both conflicting parties and local people in a number of typical situations can hardly be overestimated. Although the phrasebook is sometimes biased when contrasting the ideal of a Russian warrior with a more realistic image of the enemy, in the historical aspect it is valuable as a source of information about the country and population, the culture and everyday life of the Ottoman Empire in the first third of the XIX century.

Key words: phrasebook; cross-cultural dialogue; communication efficiency; ideal of a warrior; geographical information; social information; everyday life; the Ottoman Empire.

Рассматриваемый разговорник издавался дважды в связи с началом военных действий между Россией и Турцией в ходе кампаний 1828–1829 и 1853–1856 гг. в качестве первой части издания «Карманная книга для русских воинов в турецких походах» [9; 11]. Его составление было

официальным поручением автору, поэтому книга была напечатана «по высочайшему повелению» императора, что сближает ее с военными наставлениями разного рода.

Первое издание вышло в разгар военной кампании, которая несла бесчисленные тяготы мирным жителям всех национальностей, особенно на охваченных войной и восстаниями территориях. Россия на этот раз выступала при поддержке сильных европейских партнеров [20, с. 18], но это не снижало уровень ее военных расходов, которые ощутимым бременем ложились на плечи старых и новых подданных. Разговорник обращается к таким деталям повседневного быта, которые обычно проходят мимо внимания военных историков. Кроме того, в нем учитываются возможные представления и стереотипы как пользователя, так и его потенциального собеседника, успешно нейтрализуя их и тем самым выполняя важную функцию сближения представителей разных культур.

Второе издание практически повторяет первое: структура и содержание разговорника не изменились, см. «Оглавление» [9, с. 3 (ненум.); 11, с. 5 (ненум.)]. Различия в транскрипции также непринципиальны: это замена *i* на *ь* чаще перед *ѣ*: «Бу кіѣійнь...», «Ящикъ (въ шкафу)... гѣзь» [9, с. 2, 106], во 2-м изд.: «Бу кѣіюнъ...», «Ящикъ (въ шкафу)... гѣзь» [11, с. 2, 97 (2-й пагинации)].

Также во 2-м издании не используется заглавная *Ў*, вместо нее всюду строчная *ў* [11, с. 12 и далее всюду]. Спорадически упрощена условная кириллическая запись, например: «гаѣтте» [9, с. 18], ср. во 2-м изд.: «гаѣтте» [11, с. 31].

Кое-где исправлены опечатки и, например, устранен случайный пропуск слова *юный*: «Юноша. Огланъ, тазе-огланъ» [9, с. 106], ср. во 2-м изд.: «Юный. Гѣнджъ. | Юноша. Огланъ, тазе-огланъ» [11, с. 96 (2-й пагинации)]. – (Genç ‘молодой’; oğlan ‘юноша’, но последнее уже не сочетается с прилагательным taze ‘свежий’, сегодня используется delikanlı ‘парень’). Эти изменения свидетельствуют о тщательности авторской корректуры 2-го издания.

Вторая часть книги представляла собой краткую грамматику турецкого языка, во 2-м издании была только исправлена нумерация нескольких параграфов после 52-го, нарушенная в 1-м издании [10, с. 87-89; 12, с. 69-71]. Содержание грамматики осталось неизменным.

Во втором издании 1854 г. повторено авторское предисловие 1828 г. Это показательно, поскольку О. Сенковский в это время был уже серьезно болен и, вероятно, не мог основательно

переработать свой труд. По этой причине важно иметь в виду, что переиздание не учитывает те новшества, которые многое изменили в Османской империи между 1829 и 1854 гг. Например, отмечались несомненные успехи «европеизации» [1, с. 152], танзиматские реформы [8, с. 178], в частности существенно сократившие срок военной службы по сравнению с 20, а потом с 12 годами солдатчины в России. Перед войной же 1828 г. ситуация с набором в войска была близка к российской.

Вскоре после войны 1828–1829 гг. в Турции были завершены многие преобразования, задуманные или начатые перед ней: например, была принята унифицированная система рангов в военной, духовной и административной сферах, завершилось официальное введение европейской одежды, государственная почта стала обслуживать также и частных лиц [20, с. 39, 49, 229], в 1831 г. была проведена всеобщая перепись населения [21].

Таким образом, портрет социальной реальности, предлагаемый разговорником, строго говоря, относится к Османской империи перед 1828 г. Например, в ряде вопросов проявляется явный интерес к присутствию в турецком войске офицеров из европейских стран, реформировавших турецкую армию в это время: «Есть ли у васъ Европейскіе офицеры?» – «Фиренкъ забитлери сизде варъ мы?» [9, с. 32; 11, с. 54].

Из следующего вопроса мы узнаём, что некоторые из европейцев не ограничивались сроком контракта, но могли оставаться в стране и даже принимать ислам: «Изъ Европейцевъ нѣтъ ли такихъ, которые перешли въ Мусульманскую вѣру?» – «Фиренкъ шайфесинденъ Мюсюманъ олунмушъ бейлеръ, забитлеръ булунуръ му?» [9, с. 32; 11, с. 55].

Исследователями отмечается, что среди европейцев особенно много было венгерских и польских военных («Hungarians and Poles») [19, с. 97]. В то же время надо подчеркнуть, что в связи с поддержкой греческого восстания некоторые европейские страны запретили своим офицерам отправляться на службу в Турцию [20, с. 29].

В разговорнике не упоминаются хорошо известные в России янычары, поскольку их корпус был распущен после восстания 1826 г. [20, с. 6]. Однако Н. И. Ушаков, в чине поручика служивший на Кавказе и знавший ситуацию близко, пишет, что янычары оставались в приграничном Ахалцихе и после их роспуска в центральной Турции: «Нынѣшній Султанъ, совершивъ

трудный и рѣшительный подвигъ уничтоженія Янычаръ, не осмѣлился однако же обнародовать среди Ахалцыха фирманъ объ истребленіи ихъ, и эти страшные враги Правительства безбоязненно жили тамъ до послѣдней эпохи присоединенія части Ахалцыза къ Россіи» [15, с. 60].

Второе издание не учитывало изменений, накопившихся за четверть века. Анахронизм такого рода не редкость в разговорниках, например, в немецко-русском разговорнике 1723 г. для торговцев воспроизводятся диалоги издания Г. В. Лудольфа 1696 г. [17, с. 168, 182]. При этом очевидно, что бытовые разговоры в подобных изданиях по большей части сохраняют применимость и по прошествии более продолжительного времени.

Автор книги не нуждается в долгом представлении. Это очень известный и всесторонне одаренный человек, поляк по происхождению, Осип Иванович Сенковский (1800–1858), уникальный для своего времени лингвист, талантливый писатель (псевдонимы – барон Брамбеус, Тютюнджю-Оглу и др.) и весьма успешный журналист. Военный разговорник раскрывает еще одну сторону его активной творческой натуры. О. Сенковский, даже пребывая на русской службе, в силу своего многостороннего научного опыта мог психологически оставаться «над схваткой» и внес в разговорник много важных общечеловеческих деталей, задававших тональность мирного диалога.

Жанр карманной книги/книжки был чрезвычайно популярным в России с конца XVIII в. До выхода интересующего нас издания уже было опубликовано около 30 различных карманных справочников. Однако военный разговорник в такой серии был реализацией уникального замысла, заметно опережавшего свое время. Специалисты свидетельствуют: «Массовое печатание *военных разговорников* в России началось приблизительно в середине XIX века, в эпоху непрерывных русско-турецких войн...» [7, с. 138, см. также: 3, с. 46; 6, с. 8]. Это прямое указание на пионерский характер анализируемого нами далее издания 1828 г.

Таким образом, первое издание рассматриваемого разговорника вышло в свет задолго до распространения данной формы вспомогательного словаря. Автор не мог опираться на опыт предшественников, что определило ряд неизбежных недостатков издания. Например, довольно сложные и длинные фразы трудно произнести без ошибки и донести до носителя языка человеку без минимальной языковой подготовки:

«А. Прежде самъ откушай (или выпей), чтобъ здѣсь не было яду.

А. Эввель сень бунданъ ѣ (*ичь*); зехиръ олмасынъ бу таамда» [9, с. 29; 11, с. 48].

Совр.: Evvel sen bundan (iç); zehir olmasın bu yemekte ‘Сначала ты попробуй это блюдо, может быть, внутри есть яд’.

В дальнейшем, по мере накопления опыта, рекомендуемые воинам реплики стали намного проще: «Выпейте сначала сами. Тринкэн зи цуэрст ман элбст. Trinken sie zuerst man selbst» [5, с. 65].

Этот пример иллюстрирует еще одно отличие рассматриваемого разговорника. В случае непонимания на слух фразу из разговорника Сенковского нельзя было просто показать грамотному собеседнику. Кириллица не дублировалась аутентичной записью на турецком.

Как весьма точные повторения пионерской работы Сенковского, переизданной в 1854 г. в начале Крымской войны, также были созданы русско-греческий и русско-болгарский разговорники [2; 16]. В дополнение к разделам разговорника Сенковского в них имеются разговоры с православными священниками – греческими и болгарскими.

Содержание русско-греческого разговорника по последовательности фраз и более крупных структурных компонентов точно следует образцу Сенковского: «Греческие разговоры» [2, с. 5-64], «Словарь» [2, с. 1-76 (2-й пагинации)], «Грамматика» [2, с. 77-110 (2-й пагинации)].

Его автор Дмитрий Христофорович Гумалик получил образование в Халкидонской семинарии в Константинополе, затем был адъюнктом греческой словесности Главного педагогического института в Санкт-Петербурге, а в 1860-е гг. – чиновником особых поручений по делам книгопечатания при министре внутренних дел. Его брат Павел позднее был весьма успешным городским головой Кишинева.

Та же структура сохранена и в русско-болгарском разговорнике: «Разговоры Русско-Болгарские» [16, с. 1-57], «Словарь Русско-Болгарский» [16, с. 59-116], «Основные правила Ново-Болгарского языка» [16, с. 117-164].

Автор – Савва Влкович Филаретов (1825–1863), во время составления разговорника учился в Московском университете, в будущем стал известным болгарским просветителем.

Участники русско-турецких разговоров были условно обозначены латинскими буквами **A** (русский воин) и **B** (местный житель). Адресат карманной книги – это по преимуществу

офицер. Кроме того, это дворянин, поскольку до 1845 г. уже первый офицерский чин давал потомственное дворянство.

Солдаты же в большинстве своем, несмотря на наличие школ в военных поселениях, в то время не владели грамотой до такой степени, чтобы прочесть этот довольно сложный текст.

Реплики помечены **А** и **В** с интервалом. В середине разговорника [9, с. 26-39; 11, с. 43-66] представлены только реплики русского воина: вопросы и команды.

Практическая транскрипция на основе кириллицы также сближает все три разговорника. Такой выбор исходил из реалистичного соображения, что русскому пользователю нетрудно будет усвоить чтение двух-трех дополнительных знаков, но основа записи должна читаться и без особых навыков. Анализ этих изданий в лингвистическом плане также представляет заметный интерес, однако в данной статье нас интересуют этнографический и культурологический аспекты переданной в нем информации.

Очевидно, что при всех значительных минусах «война сама по себе является механизмом культурного обмена и влияния» [8, с. 163], однако в условиях русско-турецких военных конфликтов установление контактов «было на протяжении веков спонтанным и совершенно нерегулярным» [18, с. 219]. В этом контексте словарь-разговорник может рассматриваться как уникальный инструмент повышения качества и эффективности коммуникации и одновременно «как продукт и свидетель эпохи», «как источник культурно-исторической информации, а также как инструмент идеологического влияния» [6, с. 22].

Географическая информация

Перемещение и ориентация на местности важны как туристу, так и военному. Разговорник открывается подразделом «Распросы (так в тексте – авт.) о деревнях, местечках и проч.», первая реплика которого является средством установления контакта и начинается с дружественного обращения: «**А.** Эй! пріятель! постой!..» – «**А.** Э! достумъ! дуръ!..» [9, с. 1; 11, с. 1].

Примечательно, что топонимы в тексте практически отсутствуют, ориентация и выбор маршрута основываются на сведениях, получаемых от местных жителей. При этом существенным для возможностей размещения подразделения был размер селения. В разговорнике упоминаются различные населенные пункты: *деревня* (кіей – köy), *мыза* ‘ферма, хутор’ (чифтликъ – çiftlik), *местечко* ‘городок’ (касаба – kasaba):

«**А.** Хорошо! если такъ, скажи-же намъ, здѣсь впереди деревни, мызы, мѣстечки есть ли?» – «**А.** Пекъ эй! ёйле исе, сень бизе сѣйлемели-синъ, бунунъ-ѣтесинде кіей, чифтликъ, касабаларъ варъ мы?» [9, с. 2; 11, с. 2]. Перечисление типов селений страховало спрашивающего от возможных ошибок идентификации, поскольку их статус и размер в чужой стране могли соотноситься между собой не так, как в России. Достаточно указать на то, что *мыза* – это слово из прибалтийской части России, а *местечко* как обозначение населенного пункта было характерно для западных губерний. Несколько раз встречается и *шеһире* (şehir) ‘город’ [9, с. 4, 12, 36; 11, с. 7, 20, 61].

Вообще примечательно, что вопросы обеспечивают визуальную ориентацию при передвижении без привязки к определенной местности, они позволяют выявить особенности рельефа, наличие в округе дорог, мостов, переправ, источников питьевой воды и проч. По причине разнообразия качеств путей передвижения используется универсальный для того времени измеритель длины пути в часах, необходимых на преодоление конкретного участка маршрута [9, с. 5; 11, с. 8]. Это наиболее надежная характеристика качества дороги. Степень детализации вопросов о маршруте косвенно свидетельствует о невысоком уровне развития военной топографии.

Русского воина также должны были интересовать крупные строения, общественные места, видимо, для размещения личного состава:

«**А.** ...Нѣтъ ли хановъ (каравансараевъ), кофейныхъ лавокъ, ямовъ, почтовыхъ домовъ, монастырей, большихъ строеній?» – «**А.** ...Ханъ, кафе, ямъ, мензильхане, теккѣ, монастырь-гиби, бюйюкъ япы булунуръ му?» [9, с. 11; 11, с. 18].

В данном случае примечательно, что *хан* (han) ‘гостиница’ имеет русский пояснительный эквивалент также тюркского происхождения *караван-сарай*, а турецкому наименованию почтового учреждения *мензильхане* в русском дано два соответствия: старинное слово *ямъ* ‘станция для смены лошадей’ и новое обозначение *почтовый домъ*.

Здесь мы имеем яркий пример двойной роли автора разговорника: он не только переводит фрагмент русской картины мира на язык адресата-турка, но и учитывает видение русского пользователя. В России в это время в процессе объединения находилась традиционная ямская почта (ордынское наследие) и регулярная «немецкая» почта (петровское нововведение), поэтому для создания верного понимания у пользователя

надо было указать оба вида почтовых учреждений. При этом турецкий адресат данной реплики получал только упоминание о государственной почтовой службе (*menzil*), не предназначенной для обслуживания частных лиц [20, с. 40].

В разговорнике нет указаний на то, что почта могла быть иностранной, в частности принадлежащей государству, с которым Россия находится в мирных отношениях. Да и у самой России имелась своя почтовая служба на территории Турции с 1783 г. [20, с. 229]. В военной обстановке было важно, что на почте могут быть свежие лошади.

Встречается и обратное соответствие, когда детализация представлена в турецком переводе вопроса. Так, *монастыри*, интересовавшие военных лишь как обширные и часто каменные постройки, в турецком переводе дифференцированы по конфессиональной принадлежности: *теккѣ* (*tekke* 'обитель дервишей'), *монастырь* (*manastir* 'монастырь христианский'). Объединить общей номинацией такие разные по социальной функции сооружения в турецком было невозможно.

Единственный топоним Стамбул представлен в контексте, который говорит об ожидании вестей или приказов непосредственно из столицы:

«Не приѣхалъ ли къ вамъ недавно кто нибудь изъ Стамбула?» – «Бу яканларла... Ыстанбулданъ сизе биръ кимсе гѣльмеди ми?» [9, с. 33; 11, с. 56]. Это не случайный вопрос, новости из столицы могли серьезно влиять на решения и действия региональных властей.

Конфессиональное разнообразие и ожидаемая реакция на него

Собеседник А (русский) в самом начале беседы спрашивает В (местного жителя), является ли он мусульманином или христианином [9, с. 2; 11, с. 2], также упоминаются местные евреи [9, с. 3; 11, с. 4]. Религиозная принадлежность воспринимается как важнейшая характеристика собеседника, исходя из которой формируются ожидания и определяется линия поведения. Как писал Н. И. Ушаков, «двѣ господствующія вѣры: Христианская и Магометанская, полагають рѣзкое раздѣленіе между обитателями здѣшнихъ странъ» [15, с. 39].

О своеобразной религиозно-идеологической составляющей разговорника свидетельствует наличие дополнения, не имеющего соответствия в турецкой части: «IV. Разговор с сельским священником» [2, с. 55-60], «V. Разговор с архиереем» [там же, с. 61-64]. Русские фразы

болгарского издания также точно совпадают с разделом IV в греческом разговорнике: «IV. Разговоръ Русскаго воина съ болгарскимъ священникомъ» [16, с. 52-57]. О. А. Гоков делает вывод, что в кампании 1828–1829 гг. среди солдат, «судя по воспоминаниям, господствовало идеологизированное представление о борьбе против неверных и освобождении православных святынь» [1, с. 143]. Однако оппозиционная часть образованного слоя русских дворян была настроена иначе. «П. А. Вяземскому принадлежит точная формулировка отношения к кампаниям 1828–1829 гг. группы недовольных: „Война турецкая не дело отечественное, она не русская брань 1812 года”» [14, с. 58].

Внимание к конфессиональным вопросам подтверждается анализом материала разговорников, в которых это представление акцентируется: только в турецком разговорнике обращение к местному жителю сопровождается (все же редкими) угрозами:

«А. Говори правду. Если будешь лгать, то я тотчасъ застрѣлю тебя, убью тебя». – «А. Догрусуну сѣйле. Эѣръ яланъ (70) сѣйлерсенъ, башына табанджа бошадырымъ (71); ёльдюрюрюмъ сени» [9, с. 13; 11, с. 22].

Автор уделяет внимание дословному переводу, чтобы пользователь представлял не только общий смысл фразы, но и значение ее частей и структуру: «(70) Ложь. (71) Головъ твоей (т. е. Въ твою голову) пистолеть опорожню» [там же]. Разговорник, снабженный таким дидактическим аппаратом, играет дополнительную роль учебного издания.

В разговоре с христианами соотносительная реплика заметно смягчена. При обращении к греку и болгарину она лишена угроз: «Р<усскій>. Говори правду. Я надѣюсь, что ты как единовѣрный намъ братъ, не станешь насъ обманывать» [2, с. 19]. «Р<усскій>. Говори правду» [16, с. 16].

При этом в беседе с хозяином квартиры подчеркивается, что в России его соплеменники или единовѣрцы также живут в достатке и пользуются всеми правами подданных:

«А. У насъ, въ Россіи, Магометанцы свободно отправляютъ свое богослуженіе: никто имъ не препятствуетъ». – «А. Бизимъ мемлекѣтте, бильмемъ не-кадаръ бинъ Мюсюманъ халкы, кѣнди динини, шериятыны ѣрине гѣтириорларъ (46): кимсе маны-олмазъ» [9, с. 44; 11, с. 74]. Далее особо отмечается, что мусульманам в России гарантируется защита закона: «Магометанца обидѣть никто у насъ не смѣетъ, и не хочетъ». – «Мюсюманнары инджитмеѣ бизде кимсе дже-

сареть-этмезъ, хемъ бейле на-хемваръ ише хичь-кимсенинъ бизде мейли-де юкъ туръ (47)» [там же].

Резюмирующая декларация вполне созвучна с официозом того времени: «У нашего Царя всѣ подданные родныя дѣти, и Христиане и Мусульмане». – «Падишахымыза гьере, Хырыстыянь олсунъ, Мюсюманъ олсунъ, фаркъ-этмеипъ, джюмле раяларыны хаасъ-эвляды ъринде билиръ (48)» [9, с. 44; 11, с. 75]. В связи с этой декларацией можно вспомнить, что в русской армии той эпохи форма присяги зависела от вероисповедания военного и проходила в присутствии духовного лица соответствующей конфессии.

Дипломатично обходя острые углы в беседе с иноверцем, русский воин не менее тактичен и в расстановке акцентов в беседе с хозяином-христианином, ожидая и от него такого же отношения [1, с. 52], ср.:

«Р<усский>. Для нашего Царя всѣ подданные – родныя дѣти. Множество переселенцевъ Грековъ живетъ въ Россіи спокойно и въ изобилии. Многіе изъ нихъ служатъ нашему Царю вѣрою и правдою» [2, с. 48].

«Р<усский>. Русскіе славятъ Бога Всевышняго, также какъ и вы. У насъ в Россіи живетъ множество Болгаръ въ довольствѣ и изобилии... У нашего Царя всѣ подданные родныя дѣти, и Болгарина отъ Русскаго не отличаютъ» [16, с. 45, 46].

Однако эта риторика могла пропасть втуне, если жители разных национальностей и вероисповеданий благоразумно покидали зону военных действий заранее, что нередко и случалось [13, с. 63-64].

Этническое разнообразие и состав армии

Сложная территориальная система формирования обеих армий [1, с. 181, 184] и обширность империй создавали пеструю картину, в которой военному надо было разобраться и сориентироваться. Отсюда особый интерес к составу войск противника: «Много ли у васъ Азіятскаго войска? Сколько Арнаутъ, Босняковъ, новаго войска и Делибашей? Гдѣ Козаки Запорожскіе Некрасовцы?» – «Анадолу ямаклады (манафъ), чокъ му дуръ? Арнаудъ, Босна, Низамъ-джедидъ (Сеймень), Кырджалы не-кадаръ олуръ? Запорожанъ Казагы нерде диръ?» [9, с. 35; 11, с. 59]. Вопрос об арнаутах говорит о том, что Сенковскому указали на необходимость спросить об участии албанских частей в военных действиях на Балканах.

После «нового войска» (Nizam-cedid, регулярные части европейского типа) упомянуты делибаши, ставшие хрестоматийными благодаря стихотворению Пушкина. Сенковский передает

это наименование по-турецки как «Кырджалы» (Kırçali), буквально 'житель полей', от kır 'поле, равнина'. В русском это название легкого конника передано также заимствованием из турецкого, *delibaş* – букв. 'дикая голова', или 'сорви-голова'.

Особый вопрос также был о казаках (некрасовцах и других, перешедших на сторону Турции). Их участие на той или иной стороне было порой определяющим, но не всегда предсказуемым в силу некоторой автономии. Однако в 1828–1829 гг. в ситуации незавершенной военной реформы их роль стала более заметной: впервые христианские формирования были вооружены и включены в состав регулярных сухопутных сил Османского войска [20, с. 25]. Отсюда и уместность этого вопроса в разговорнике.

Последний вопрос (о казаках) был удален в греческом и болгарском изданиях [2, с. 38; 16, с. 37], видимо, как неактуальный, хотя часть некрасовцев сражалась против русского войска и в Крымскую кампанию.

Помимо различий между войсками, прибывшими из разных регионов, вопросы отражают и непосредственный интерес к родам войск. Важнейшее противопоставление того времени – пехота и конница. Странно, что при перечислении в вопросе они меняются местами в турецком переводе, что могло бы запутать неискушенного пользователя: *конница, пехота* – «яясы, атлысы» 'пехота, конница' / «яяданъ мы, я атлыданъ» 'из пехоты, из конницы' [9, с. 15, 36; 11, с. 25, 60]. Возможно, очередность перечисления в каждом из языков была строго закреплённой.

Название тяжелой кавалерии из поместных дворян (*sipahi*) в русских текстах того времени передается по-разному: *спаги, спахи, спахии, си-паху*. Она приобрела после 1826 г. большее значение в связи с необходимостью заменить на поле боя янычар [20, с. 6, 15]. Это отражено в вопросе: «Сколько спаговъ, латниковъ?» – «Сипахи, джебеджи качъ-бинъ олуръ?» [9, с. 32; 11, с. 53]. Кстати, *sipahi* – слово иранского происхождения, как и индийские *сипаи*.

При этом многочисленные этносы не были упомянуты. Думается, Сенковский не представил более детально сложную этническую картину Османской империи того времени, чтобы не делать текст слишком громоздким. При этом в зависимости от конкретного района боевых действий те или иные вопросы оказались бы излишними и только затруднили ориентацию в книге. Сходное решение было показано выше по отношению к конкретной топонимике: ее в разговорнике тоже нет.

Денежные единицы

Вероятно, по той же причине не представлены и таблицы денежных единиц, сохранявших большое исторически сложившееся разнообразие в зависимости от конкретной области, как это показывает Н. И. Ушаков на примере Грузии и Баязетского пашалыка [15, с. 38, 98-99]. Кроме этой сложности известное затруднение вызывало и то, что в русской денежной системе того времени курс ассигнаций по отношению к серебряной монете был нестабильным и постоянно растущим, так что информация такого рода быстро бы потеряла актуальность.

Вообще вопрос о вознаграждении нанимаемых для решения хозяйственных и транспортных задач местных жителей в разговорнике освещен в самом общем виде, без указания сумм и денежных единиц [9, с. 3, 22-23; 11, с. 4, 49]. Конкретные суммы устанавливались в процессе торга. Эта практика того времени мало различалась в двух странах. Как отмечает Н. И. Ушаков, для перевозок армейских грузов местный житель с арбой и двумя парами волов нанимался за цену до 50 рублей серебром в месяц. Эта сумма, мягко говоря, заметно превышала месячное жалование младшего офицера русской армии и составляла до половины жалования полковника [4].

Социальная иерархия

Вопрос о чине и титуле командира в опросе пленного вполне объясним, поскольку эта информация позволяла судить о количестве подчиненных: «Какъ называется вашъ начальникъ? Кто онъ таковъ? бей, паша, бейлербей, сардаръ или сераскиръ?» – «Сердарынызынь ады не диръ? Вазифеси (98) не диръ? бей ми диръ? паша, бейлербей, сердаръ, сера<с>кѣръ ми диръ?» [9, с. 31; 11, с. 52-53]. Дословный же поясняющий перевод подчеркивает интерес к социальному статусу начальника: «(98) Достоинство-его» [там же].

Помимо чисто тактической ценности этой информации следует иметь в виду еще два аспекта.

Русский дворянин и офицер сравнивал статус противника со своим. Османская иерархия, пока не столь формализованная и динамичная, как российская, все же неформально соотносилась с русскими чинами. При пленении или на переговорах это играло немаловажную роль для решения вопроса о создании определенного уровня комфорта для гостя такого рода и влияло на выбор тональности беседы.

Другой аспект определялся той лестницей чинов, которая задавалась в России «Табелью о

рангах». В Турции же структура титулов и рангов реформируется по европейскому образцу уже после этой военной кампании, когда на очередном шаге реформ Танзимата в 1835 г. были взаимно соотнесены военные чины, духовные саны и административно-бюрократические ранги по семи уровням [20, с. 39]. Это создавало сходную с российской схему вертикальной мобильности для служащих лиц.

Если даже бегло просмотреть офицерские мемуары данной кампании, поражает доминирующий интерес к теме служебного продвижения над всеми остальными. Вопросы карьеры занимают важнейшее место в переживаниях русского офицера, они упоминаются даже чаще, нежели угроза эпидемии чумы, хотя ее воздействие на армию было весьма жестоким [19, с. 30; 20, с. 28]. В отношении выбора обозначения болезни разговорник, в котором она названа *язвой* (*hastalık*тан ‘болезнь’) [9, с. 34; 11, с. 55]), перекликается с изданиями того времени, ср.: «чумная зараза», «ужасная и истребительная язва» [15, с. 45, 57, 72, 58].

Вопрос о чине в армии был весьма важным, соблюдение этикета в общении с (бывшим или пленным) противником также упоминается как обязательное.

Экзотика повседневности и правила поведения русского воина

Очень много информации о повседневности дает раздел «III. На квартирѣ». Это и турецкие приветствия, варьирующиеся в зависимости от времени суток [9, с. 39; 11, с. 66], и почтительное обращение к хозяину квартиры *джанымъ-челеби* [9, с. 41; 11, с. 69].

В разговорнике есть целый ряд средств для обозначения мирного характера своих намерений: «У васъ в домѣ ничто не пропадетъ. – Эвинизде биръ шей заіы олмазъ» [9, с. 40; 11, с. 67], и др.

Упомянуты разнообразные местные блюда (варенье, шербет), далеко не всюду доступные в России виды южных фруктов (виноград, гранаты, абрикосы, персики) и прочее [9, с. 45; 11, с. 76].

Разговорник давал информацию о межкультурных различиях в отношении к алкоголю [9, с. 11, 46; 11, с. 19, 77-78]. Такого рода страноведческая информация, включенная в русские реплики и потенциальные ответы собеседника, обладала несомненной обучающей и ориентирующей ценностью. Разговорник еще до его применения в диалоге с местным жителем служил источником сведений о стране.

С другой стороны, в нем предусматривалась и ситуация, когда инструкция требовала от офицера осмотреть все место ночлега, проверить его безопасность. Это требование создавало известные неудобства, так как был необходим осмотр выходов и окон в женской части дома. Рекомендовалась такая фраза: «Я уважаю правила скромности женского пола» – «*һиджабъ йолуну билиримъ*» [9, с. 48; 11, с. 81].

Многие воспоминания отмечают, что офицеры имели указание из уважения к местным обычаям отворачиваться, проходя мимо местных женщин или давая им пройти.

Затем русский офицер должен был собрать все оружие в доме и запретить выходы: «Слуги ваши не должны быть вооружены» – «*һанджаръ, ятганъ, табанджа, ёйле шейлери сизинъ хызметкарларынызъ беллерине сокмасынкаръ*» [9, с. 47; 11, с. 80]. В турецком переводе приведено перечисление: кинжал, ятаган, пистолет и проч., чтобы достичь полного понимания.

Далее возникает неловкая ситуация в связи с необходимостью и невозможностью запретить калитку, ведущую в туалет. Ситуация, вероятно, взята Сенковским из жизни и обусловлена различиями в устройстве двора и усадьбы в двух странах: «**Б.** Милостивый государь, эта калитка ведетъ въ нужное мѣсто. Замка, ни ключа у нея нѣтъ». – «**Б.** Эфѣндимъ! бу капы биръ чешмеф (*аякъ йолуна*) ачылырф. Килиди, анахтары юкф» [9, с. 47; 11, с. 80]. При этом эфемистическое наименование *нужного места* по-русски уже многим сегодня непонятно. Однако и турецкий перевод не менее тактичен: указание на пешеходную дорожку (*аякъ йолуна*) и источник/водопровод (*чешме*) являются здесь условными обозначениями туалета. Остается только догадываться, насколько полезной для русских читателей разговорника была эта информация.

Идеал русского воина и образ противника

Разговорник рисует образ идеального русского воина. Как мы заметили выше, воин проявляет уважение к местным обычаям и правилам поведения, при этом как патриот он неукоснительно следует долгу и приказу, но основывается на высоких принципах морали: «У насъ первое правило есть челоуѣколюбие и справедливость» – «*Хуюмузъ... инсанѣтъ в инсафъ тырф*» [9, с. 43; 11, с. 73].

Понятно, что это идеальная модель, но в известной мере она смыкалась с дворянским эталоном представлений о чести. С другой стороны, воин не склонен недооценивать противника или проявлять по отношению к нему высокомерие.

Достаточно обратиться к тем альтернативным оценкам сераскира, которые представлены в разговоре с пленным, например: «Но солдаты его не любятъ». – «Аскѣрф – халкы ону һичъ севмезлерф» ... «Всѣ солдаты его отцомъ называютъ». – «Джюмле аскѣрф – халкы она: бабамызъ! дерлерф (17)» [9, с. 19; 11, с. 31].

Из подобных альтернатив складывалась мозаика средств выражения противопоставленных оценок, позволявших собрать точную и достоверную информацию без особого упрощения или тенденциозного искажения образа противника.

В целом же, говоря о рассмотренном разговорнике, следует отметить, что он представляет собой весьма содержательный вспомогательный инструмент общения. Довольно очевидная структура, удачно выбранная автором, позволяла пользоваться разговорником без долгого предварительного изучения. Хотя некоторые реплики несколько громоздки, достигать более высокой эффективности в коммуникации удавалось за счет узнаваемости идиом и клише, которые даже не в идеальном произношении могли восприниматься собеседником адекватно. Заслуживает автора является не только искусный подбор устойчивых выражений, но и их дословный перевод, представленный в подстрочных примечаниях, например, «Бирф уйку чалмакъ (57)» соответствует русскому 'отдохнуть (с дороги)' и имеет дословный перевод: «(57) Одинъ сонъ украсть» [9, с. 11; 11, с. 19]. В ситуации похода речь шла об одной ночевке на очередном новом месте, при этом выражение выбрано достаточно длинное и одновременно легкое для произношения, чтобы не возникло трудности при его трансляции и понимании собеседником.

Любопытна регулятивная составляющая русской части разговорника, задававшая часто позитивную эмоциональную рамку коммуникативной роли, установку на выбор мирной схемы коммуникации. Так, для приветствия старшего незнакомца рекомендовалась такая формула: «Здравствуй, батюшка». – «Бу вактынызъ хайр ола (1), бабамъ!» (в 1-м изд. ошибочно: *вакшынызъ*) [9, с. 1; 11, с. 1]. В примечании пояснялось: «(1) Собственно: сие время-ваше доброе да будетъ!» [там же].

То же и в формуле прощания: «А. Прощай, батюшка». – «Аллаһа ысмадладыкъ (12), бабамъ» [9, с. 4; 11, с. 7]. – «(12) Собственно: Богу мы-предпоручили» [там же]. Эта этикетная формула напоминает русское «С богом!», она определенно задает мирную тональность беседы и сигнали-

зирует об этом собеседнику, дополнительно подчеркивая уважение к его возрасту. Так через выбор автором русских фраз регулировалась эмоциональная составляющая коммуникации.

Вероятно, замысел автора был более обширным, но из-за ограничений объема часть материала осталась в не вполне раскрытом виде только в словаре, например: «Изворачиваться. Саманъ алтынданъ су йөрүтмекъ» [9, с. 66; 11, с. 26 (2-й пагинации)], *saman altından su yürütmek*, буквально: 'из-под соломы воду лить'. Во всяком случае желающим изучить турецкий разговорный язык данное пособие было чрезвычайно полезным.

Как источник сведений о взаимных представлениях друг о друге двух противоборствующих сторон разговорник заслуживает высокой оценки и внимания исследователей.

Литература / References

1. Гоков О. А. Мемуары российских офицеров – участников русско-турецкой войны 1828–1829 гг. как исторический источник: структура и содержание. Харьков: ФЛП Александрова К. М., 2011. 184 с. / Gokov O. A. Memuary rossiiskikh ofitserov – uchastnikov russko-turetskoj voiny 1828–1829 gg. kak istoricheskiy istochnik: struktura i sodержanie. Khar'kov: FLP Aleksandrova K. M., 2011. 184 s.
2. Гумалик Д. И. Карманная книга для русских воинов в походах по турецко-греческим землям. Греческие разговоры. Словарь. Грамматика. Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1854. 64. 110 с. / Gumalik D. I. Karmannaia kniga dlia russkikh voinov v pokhodakh po turetsko-grecheskim zemliam. Grecheskie razgovory. Slovar'. Grammatika. Sanktpeterburg: tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1854. 64. 110 s.
3. Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра. In: Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 21. Вып. 11 (163). Тамбов, 2016, с. 46-51. / Zagaïnov S. S., Mitchell P. D. Istoriia razvitiia voennykh slovarей-razgovornikov kak malogo literaturnogo zhanra. In: Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriiia „Gumanitarnye nauki”. T. 21. Vyp. 11 (163). Tambov, 2016, s. 46-51.
4. Коваленко А. Ю. Материальное обеспечение офицеров Русской армии в царствование Александра I. In: Международный исторический журнал, 2001, № 15, май–июнь. <http://www.imha.ru/1144523477-materialnoe-obespechenie-oficerov.html#.XrzZx7tvv5J> (дата обращения – 25.05.2020). / Kovalenko A. Ju. Material'noe obespechenie ofitserov Russkoj armii v tsarstvovanie Aleksandra I. In: Mezhdunarodnyj istoricheskiy zhurnal, 2001, № 15, maï–iiun'. <http://www.imha.ru/1144523477-materialnoe-obespechenie-oficerov.html#.XrzZx7tvv5J> (data obrashchenija – 25.05.2020).
5. Краткий русско-немецкий разговорник для бойца и младшего командира. М.: Воениздат НКО СССР, 1941. 108 с. / Kratkii russko-nemetskiï razgovornik dlia boïtsa i mladshogo komandira. M.: Voениzdat NKO SSSR, 1941. 108 s.
6. Левченко Г. А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. 24 с. / Levchenko G. A. Slovar'-razgovornik v Rossii: tipologicheskiï i sotsiolingvisticheskiï aspektu. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. M.: Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2007. 24 s.
7. Левченко Г. А. Типология словарей-разговорников в России. In: Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007, № 4, с. 133-142. / Levchenko G. A. Tipologiiia slovarей-razgovornikov v Rossii. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhu'kul'turnaia kommunikatsiia, 2007, N 4, s. 133-142.
8. Миловидов Б. П. Русская армия и турки в 1828–1829 годах. Встречи после боя. In: Диалог со временем, 2008. Вып. 25/2: Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: Красанд, 2009, с. 163-185. / Milovidov B. P. Russkaia armiiia i turki v 1828–1829 godakh. Vstrechi posle boia. In: Dialog so vremenem, 2008. Vyp. 25/2: Mir i voïna: aspekty intellektual'noï istorii. M.: Krasand, 2009, s. 163-185.
9. Сенковский О. И. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1. Разговоры российско-турецкие; Словарь российско-турецкий. Санкт-Петербург: тип. Департамента народного просвещения, 1828. 107 с. / Senkovskii O. I. Karmannaia kniga dlia russkikh voinov v turetskikh pokhodakh. Ch. 1. Razgovory rossiisko-turetskie; Slovar' rossiisko-turetskiï. Sanktpeterburg: tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1828. 107 s.
10. Сенковский О. И. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 2: Основные правила турецкого разговорного языка. Санкт-Петербург: тип. Департамента народного просвещения, 1829. 76 с. / Senkovskii O. I. Karmannaia kniga dlia russkikh voinov v turetskikh pokhodakh. Ch. 2: Osnovnye pravila turetskogo razgovornogo iazyka. Sanktpeterburg: tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1829. 76 s.
11. Сенковский О. И. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 1. Разговоры российско-турецкие; Словарь российско-турецкий. Санкт-Петербург: тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1854. 84. 98 с. / Senkovskii O. I. Karmannaia kniga dlia russkikh voinov v turetskikh pokhodakh. Ch. 1. Razgovory rossiisko-turetskie; Slovar' rossiisko-turetskiï. Sanktpeterburg: tip. Shtaba Ot-del'nogo korpusa vnutrennei strazhi, 1854. 84. 98 s.
12. Сенковский О. И. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Ч. 2: Основные правила турецкого разговорного языка. Санкт-Петербург: тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1854. 84. 98 с. / Senkovskii O. I. Karmannaia kniga dlia russkikh voinov v turetskikh pokhodakh. Ch. 2: Osnovnye pravila turetskogo razgovornogo iazyka. Sanktpeterburg: tip. Shtaba Ot-del'nogo korpusa vnutrennei strazhi, 1854. 84. 98 s.

- бург: тип. А. Дмитриева, 1854. 95 с. / Senkovskij O. I. Karmannaja kniga dlja russkikh voinov v turetskikh pokhodakh. Ch. 2: Osnovnye pravila turetskogo razgovornogo iazyka. Sanktpeterburg: tip. A. Dmitrieva, 1854. 95 s.
13. Торнау Ф. Ф. Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции. In: Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002, с. 11-128. / Tornau F. F. Vospominaniia o kampanii 1829 goda v evropeiskoi Turtsii. In: Tornau F. F. Vospominaniia russkogo ofitsera. M.: AIRO-XX, 2002, s. 11-128.
14. Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум». In: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 2, с. 57-73. / Tynianov Ju. N. O «Puteshestvii v Arzrum». In: Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii / AN SSSR. In-t literatury. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. [Vyp.] 2, s. 57-73.
15. Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: Ч. 1. Изд. 2-е в 2-х ч. Варшава: Тип. И. Глюксберга, 1843. XXIV. 407 с. / Ushakov N. I. Istoriia voennykh deistvii v Aziatskoj Turtsii v 1828 i 1829 godakh: Ch. 1. Izd. 2-e v 2-kh ch. Varshava: Tip. I. Gliuksberga, 1843. XXIV. 407 s.
16. Филаретов С. В. Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям. Санктпетербург: тип. Императорской Академии Наук, 1854. [6]. 164 с. / Filaretov S. V. Karmannaia kniga dlja russkikh voinov, nahodiashchikhsia v pokhodakh protiv turok po bolgarskim zemliam. Sanktpeterburg: tip. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1854. [6]. 164 s.
17. Шаповал В. В. Материалы по русскому языку в изданиях 1705 и 1723 г. справочника «Московский купец» П. Я. Марпергера. Сравнительный анализ. In: Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge, 2012, XX, No. 2, pp. 148-188. / Shapoval V. V. Materialy po russkomu iazyku v izdaniakh 1705 i 1723 g. spravochnika «Moskovskii kupets» P. Ja. Marpergera. Sravnitel'nyi analiz. In: Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge, 2012, XX, No. 2, pp. 148-188.
18. Шеремет В. И. Взаимные представления русских и турок (XVIII–XIX вв.). In: Человек в контексте культуры. М., 1995, с. 219-234. / Sheremet V. I. Vzaimnye predstavleniia russkikh i turok (XVIII–XIX vv.). In: Chelovek v kontekste kul'tury. M., 1995, s. 219-234.
19. Allen W. E. D., Muratoff P. Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, XXIV. 614 p.
20. Shaw S. J., Shaw E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. 2. Reform, revolution and republic: the rise of modern Turkey, 1808–1975. Cambridge: Cambridge University Press, 1977, XXIV. 467 p.
21. Shaw S. J. The Ottoman Census System and Population, 1831–1914 (1978). In: Nationalism and Ethnic Politics. [2004], No 9 (3), p. 325-338.
- Hadi Bak** (Erzurum, Turcia). Doctor habilitat în filologie, conferențiar, Universitatea Atatürk.
Хадди Бак (Эрзурум, Турция). Доктор филологических наук, доцент, Атаюркский университет.
Hadi Bak (Erzurum, Turkey). Doctor of Philology, Assistant Professor, Atatürk University.
E-mail: hadi.bak@atauni.edu.tr
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6455-1504>
- Victor Șapoval** (Moscova, Federația Rusă). Doctor în filologie, conferențiar, Institutul de Științe Umane, Universitatea Pedagogică Orășenească din Moscova.
Виктор Шаповал (Москва, Российская Федерация). Кандидат филологических наук, доцент, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.
Viktor Shapoval (Moscow, Russian Federation). PhD in Philology, Associate Professor, Institute of Humanities, Moscow Pedagogical City University.
E-mail: ShapovalVV@mgpu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7615-4389>